

Чжоу Цинъюэ, услышав это, распахнула дверь. Сложные чувства нахлынули на неё, губы дрожали, а голос едва слышно сорвался:

— Ты вернулась...

Шэнь Синцяо, глядя на девушку, что смотрела на неё снизу вверх, испытала глубокое волнение. Она шагнула вперёд и заключила её в объятия, тихо прошептав ей в макушку:

— Да, я вернулась...

Чжоу Цинъюэ ответила на объятие, прижавшись головой к её груди. Несмотря на то что одежда была холодной, она отчётливо слышала стук сердца и чувствовала тепло рук, что принесло ей невероятное спокойствие.

Вскоре Шэнь Синцяо, опасаясь, что холод от её одежды передастся девушке, не решилась долго держать её в объятиях и отстранилась.

— Давай сначала войдем, а то тётушка уже зовёт.

Едва она закончила фразу, раздался голос Цзинь Шуфэнь.

Чжоу Цинъюэ отступила в сторону, пропуская её:

— Скорее входи!

В следующее мгновение она повернулась и побежала внутрь, но, что-то вспомнив, вдруг взволнованно закричала:

— Тётушка Цзинь, Синцяо... Брат Синцяо вернулась!

Глядя на неё, Шэнь Синцяо вспомнила, как два года назад они были неразлучными подругами, чьи родители дружили семьями. Жизнь была простой, но счастливой. Но всё это осталось в прошлом.

Она повела лошадь во двор, где их уже ждала Цзинь Шуфэнь, поспешившая навстречу.

— Тётушка, Синцяо вернулась... — Шэнь Синцяо приподняла полы халата, опустилась на колени и поклонилась.

Цзинь Шуфэнь подняла её, чувствуя, как сжимается сердце. Она окинула взглядом этого упрямого подростка, на которого злилась за то, что та ушла, не попрощавшись, заставив их с Цинъюэ ночи напролёт волноваться. Утирая слёзы, она всё же не решилась произнести упрёки:

— Вернулась — и хорошо, вернулась — и хорошо. Идём в дом, ты весь день в пути, должно быть, устала.

— Хорошо, я только устрою лошадь, а вы проходите.

Она отвела коня к бывшему свинарнику, который теперь служил подсобным помещением. Привязав поводья и насыпав сена, Шэнь Синцяо вернулась во двор.

Чжоу Цинъюэ стояла с фонарём, с тоской глядя на неё:

— Брат Синцяо... — голос её звучал глухо.

Шэнь Синцяо мягко улыbnулась и потрепала её по голове:

— Пойдём, на улице холодно.

Чжоу Цинъюэ тихо отозвалась: Хорошо! — а затем перехватила руку, которая только что была у неё на голове. Почувствовав под пальцами грубые мозоли, она снова ощутила укол жалости.

Они вошли в дом. Внутри было светло и тепло, словно весной, и ледяной ветер остался снаружи. Шэнь Синцяо увидела пожилую женщину, стоявшую в комнате с величественным и спокойным видом.

— Кто это? — спросила она.

В этот момент в комнату вошла Цзинь Шуфэнь с миской лапши:

— Это лекарь Чжугэ Цзи, наставница Цинъюэ.

Узнав, что это учительница Цинъюэ, Шэнь Синцяо тут же склонилась в поклоне:

— Я Шэнь Синцяо, приветствую вас, лекарь Чжугэ. Благодарю за то, что взяли мою сестру в ученицы, спасибо за ваше наставничество!

Чжугэ Цзи, которая уже была наслышана о Шэнь Синцяо от Цинъюэ, видела перед собой смуглого, но статного юношу с пронизательным взглядом и безупречными манерами. Она подумала: Настоящий талант.

Она помогла ей подняться:

— Встань, прошу тебя. Обучать Цинъюэ — моё собственное желание, я не заслуживаю поклона от такого юноши.

Шэнь Синцяо выпрямилась, в её звёздных глазах читалась искренняя благодарность. Чжугэ Цзи, видя воссоединение семьи, решила не мешать и ушла к себе.

Цзинь Шуфэнь позвала всех к столу. Шэнь Синцяо, измученная голодом, не стала церемониться и принялась за еду, глядя на что, обе женщины не могли сдержать слёз.

Цзинь Шуфэнь достала платок и вытерла глаза:

— Синцяо, должно быть, тебе пришлось нелегко за эти годы?

Шэнь Синцяо замерла, подняла голову и, взглянув на двух заплаканных женщин, ответила:

— Я привыкла. — Она опустила взгляд и продолжила есть.

Цзинь Шуфэнь хотела было что-то спросить, но Шэнь Синцяо, не переставая жевать, смущенно проговорила:

— Тётушка, есть ещё лапша? Я... не наелась.

Та рассмеялась сквозь слёзы:

— Конечно, конечно! Подожди немного, я сейчас сварю ещё!

Она ушла, и в комнате остались только Шэнь Синцяо и Чжоу Цинъюэ.

Последняя надула губы:

— Брат... Синцяо, почему ты вернулась, не предупредив нас? Мы могли бы подготовиться. — Ей всё ещё было непривычно называть её братом.

Шэнь Синцяо усмехнулась:

— В армии дел невпроворот, как только закончила, сразу помчалась назад. Как вы тут с тётушкой?

Она спросила это, заметив, что обе выглядят измождёнными, хотя в письмах всегда писали, что всё хорошо.

— У нас всё хорошо, во всяком случае, это безопаснее, чем сражаться на поле боя.

Её заботливый взгляд вызвал у Шэнь Синцяо странное чувство, но она списала это на долгое расставание.

Цинъюэ смотрела на неё с болью. Сестра Синцяо сильно изменилась: стала выше, худее, кожа потемнела. В ней проступили черты отца и сдержанность матери, а характер стал твёрдым и рассудительным.

— Почему ты так на меня смотришь? — Шэнь Синцяо рассмеялась и ткнула девушку в щёку. Та была мягкой и нежной, совсем не похожей на её собственное, обветренное лицо.

Чжоу Цинъюэ схватила её за руку и выпалила:

— Потому что ты красивая. — Она тут же осознала, что сказала лишнее.

— Ты, глупышка... как можно быть такой... — Шэнь Синцяо смутилась. То ли от долгого пребывания среди солдат, то ли от слов Цинъюэ, но она почувствовала, как к лицу прилила кровь, и поспешно отдернула руку.

Чжоу Цинъюэ почувствовала пустоту в ладонях. Она посмотрела на Шэнь Синцяо и серьёзно спросила:

— Брат, если я тоже пойду в армию, ты позволишь?

Шэнь Синцяо нахмурилась и строго ответила:

— Нет. Как тебе вообще пришла в голову такая мысль?

— Я... я хочу сама отомстить за родителей и младшего брата, не хочу жалеть о том, что ничего не сделала... — и не хочу, чтобы ты одна несла на себе бремя кровной мести целой деревни.

Шэнь Синцяо вздохнула, её тон смягчился:

— От деревни Чжоу остались только мы двое. Ты для меня — родная кровь, разве моя месть — это не твоя месть?

Чжоу Цинъюэ повысила голос:

— Это другое!

Шэнь Синцяо нахмурилась:

— Что же здесь другого? Или ты больше не считаешь меня семьёй? Война — это смертельная опасность. Ты ещё мала, я не позволю тебе так рисковать. — Она помолчала и добавила: — Словом, я не соглашусь ни при каких обстоятельствах. Учись медицине у лекаря Чжугэ и больше об этом не говори!

Она отвернулась, показывая, что разговор окончен. Цинъюэ разозлилась и, отвернувшись, замолчала.

Вернулась Цзинь Шуфэнь:

— Лапша готова! Я положила ещё два яйца, ешь скорее! Завтра я приготовлю что-нибудь повкуснее...

Она не заметила странной атмосферы между ними. Шэнь Синцяо, расстроенная словами Цинъюэ, доела без прежнего аппетита и попросила воды, чтобы умыться.

Когда она закончила, было уже поздно. Шэнь Синцяо смущённо спросила:

— Тётушка, где я буду спать?

Раньше она жила с Цинъюэ, но теперь, когда она выдаёт себя за мужчину, это было неуместно, особенно с учётом присутствия наставницы.

— Когда ты прислала письмо, я велела устроить новую лежанку в западной флигеле, всё готово. Пойдём, я провожу.

— Хорошо, благодарю, тётушка!

Проходя мимо, она бросила взгляд на всё ещё дувшуюся Цинъюэ и вздохнула.

Цзинь Шуфэнь, шагая впереди, рассмеялась:

— Ну что ты, не стоит благодарности!